

высших Иерархий ищет выражение для откровения... И «устаами» должно быть это строение!»*

Рудольф Штайнер и его окружение

Новые откровения богов, новые формы художественного творчества, новая мудрость, творчество земных людей, их познания и их работа в центре Мистерии Михаэля — всё это слилось в единство в феномене Гётеанума. Его нельзя изучать как памятник культуры. Когда пожар унес его, Рудольф Штайнер говорил: мы вовсе не считаем, что Гётеанум взят от нас, однако нельзя сказать и того, что он как некая неизменная данность при всех условиях останется с людьми. Это понимают его враги, ведущие в самом Антропософском Обществе борьбу против него, которая с особой силой разгорелась в последние двадцать лет.

Гётеанум, если его взять, скажем, как выражение Антропософии в период ее вхождения в ширь и глубину культурно-исторического процесса, остается неразрывно связанным с многими, кто жил с ним и ради него. Из них мы хотим здесь поговорить только о тех, кто были ближайшими помощниками Рудольфа Штайнера, когда он действовал на физическом плане.

Среди них следует назвать известного поэта Христиана Моргенштерна. Когда он умер, Рудольф Штайнер сказал о нем, что его исполненная подлинной христианской любви эфирная аура как защитный покров простерлась над всем Антропософским Обществом.

О д-ре Карле Унгере, входившем в состав правления первого Антропософского Общества, Рудольф Штайнер говорил, что это сущее благословение — иметь среди нас такую силу, как он, который в спиритуально-философской области теорию познания чистого мышления субъекта познания, пребывающего как Я на плане мысли, способен детально разрабатывать и излагать» (ИПН. 125, S. 76). Для того, кто понимает, о чем тут идет речь, это высокая похвала.

Незаурядным антропософом был наш поэт Андрей Белый. Правда, противоречивость своей гениальной природы, проявлявшуюся во всех делах его жизни, он внес и в Антропософию. Но это был глубоко преданный новой духовности, которую он ждал и возвещал смолоду, человек. Он один из немногих уже в 20—30-е годы осознал значение

*) Rudolf Steiner, Die Sehnsucht der Seele nach Geist.
Доклад от 20 авг. 1914 г. Phil.-Anthr. Verlag. Dornach, 1938.

методологии Антропософии. Вся его жизнь была непрерывной мукой рождения в нем высшего человека.

Во многих отношениях значительными, а некоторые из них даже исключительно значительными, были индивидуальности, названные Рудольфом Штайнером в качестве членов правления нового Антропософского Общества, которое он создал на Рождество 1923/24 гг. и которое решился возглавить сам. Все эти люди (их было пять человек), несмотря на проявлявшееся порой в их жизни, говоря словами Ницше, «человеческое, сугубо человеческое», являются, несомненно, знаковыми фигурами, обладавшими специальными миссиями, к которым они шли в течение *ряда воплощений*, а также готовились в сверхчувственной Школе Михаэля.

Пройдет еще какое-то количество лет — и все земные неудачи этих людей, их страдания будут забыты, и останется лишь память о том, что они стояли у истоков учреждения на земле центра для Мистерии Михаэля. С этой точки зрения мы и поговорим о них, прибегая к языку эзотерики, ибо они имели за собой огромный сверхчувственный план. Это были люди более эзотерического, чем внешнего характера.

Но прежде всего нам следует хотя бы немного поговорить о личности самого Рудольфа Штайнера. Пусть и косвенно, но он высказал достаточно для того, чтобы понять, так сказать, вечный и уникальный характер его биографии. Начать тут нужно с размышления о том, что составляло суть его миссии. Ею он был поставлен в поток развития, в котором единая интеллигенция планетной системы стала терять свой всеобщий инспирирующий характер, дифференцироваться и отражаться в сознании отдельных людей, утративших способность созерцать интеллигенцию сверхчувственно. При этом — о чем у нас шла речь — возникла необходимость в ходе культурно-исторического процесса помочь людям вырабатывать форму сознания, которая, оставаясь на внешней, чувственной стороне мира, могла бы наполняться индивидуальной интеллигенцией в виде логически, абстрактно мыслящего сознания, которое субстанциональную интеллигенцию не воспринимало бы, а отражало бы, творило бы в себе ее отраженный, зеркальный образ.

Такая форма сознания была выработана благодаря логике Аристотеля. Ее предтечами были Сократ и Платон. А теперь мы вступили в эпоху развития, где сознание человека, сохраняя индивидуальный характер, должно, претерпев метаморфозу, от зеркального образа интеллигенции прийти к ее живому созерцанию.

Благодаря сообщениям Рудольфа Штайнера мы знаем, что одна

и та же индивидуальность стоит как у начала формирования индивидуальной абстрактной формы сознания, так и в завершающую эпоху (XIII-й век) нисхождения космической интеллигенции в эту форму. Это Аристотель и Фома Аквинский.

Работа, совершенная ими, вернее одной индивидуальностью в двух разных воплощениях, теперь подошла к своей решающей фазе, где нисхождение и дифференциация интеллигенции сменяются ее восхождением и новой универсализацией. И потому нужно опять помочь людям выработать в себе соответствующую форму сознания. Так спросим себя: кто из людей мог бы сделать это наилучшим образом? — Конечно, всё та же индивидуальность. И именно она и воплотилась в наше время как Рудольф Штайнер. Это даже просто логично, что данная индивидуальность наилучшим образом подходит для решения всё той же задачи и на ее третьем этапе.

Поэтому мысль эта — не просто догадка. А кроме того, известно, что в частных беседах с наиболее близкими людьми, например с Марией Штайнер, с Итой Вегманн, Рудольф Штайнер косвенно не раз указывал на это.

Нам важно знать об этом не из любви к мистическим сенсациям, а для углубленного понимания хода человеческого развития и божественного водительства.

Поняв, что за индивидуальность жила в Рудольфе Штайнере, мы далее уже из его сообщений можем проследить другие этапы ее биографии. Рудольф Штайнер говорит, что индивидуальность Аристотеля имела еще воплощение в 3-й культурной эпохе и носила там имя Эабани. Она была другом и соратником полумифического царя Гильгамеша, основателя вавилоно-халдейской культуры. В Эабани жила очень молодая душа, имевшая мало земных воплощений после кризиса, возникшего на Земле перед выделением из нее Луны, когда человеческие души ушли с Земли на другие планеты.

Таким образом, в Рудольфе Штайнере жила молодая душа и потому способная к быстрому развитию, к духовному творчеству.

Мы знаем также о еще двух воплощениях этой индивидуальности. В одной из них она получила посвящение в Мистериях Артемиды в Эфесе, в другой, уже в Средние века, она была воспитателем Парсифаля и носила имя Шонатуландер. Так что в Рудольфе Штайнере мы имеем дело с индивидуальностью, которая носит, если можно так выразиться, «осевой» характер в духовной истории земного человечества нашей коренной расы. Вокруг нее и во многих отношениях ею движется процесс индивидуализации человека в историческом и метаисторическом измерении.

Знать об этом важно также и ввиду будущего развития человечества. Ибо миссия Рудольфа Штайнера не закончилась с окончанием его жизни на земле. Эта индивидуальность даже еще более значительным образом будет проявляться до конца нашей коренной расы, помогая земным людям переходить в расу михаэлитов. И поскольку в нашей культурной эпохе разворачиваются события, имеющие колоссальное значение для всей коренной расы, то возникает мысль: а не будет ли эта индивидуальность тем водителем, который, подобно Ману, переведет человечество нашей коренной расы в следующую и там станет ее Ману? Эта мысль подкрепляется сообщением Рудольфа Штайнера о том, что начиная со следующей коренной расы их водителями будут всецело *человеческие* существа, тогда как в прошлом такие водители были полубожественными существами. Боги всё больше и больше передают в руки людей управление их земными делами, и если даже одни злоупотребляют этим, то им противостоят другие, осуществляющие это управление наилучшим образом, — т.е. действуя в созвучии с существами метаистории. Рудольф Штайнер же — это, поистине, главный михаэлит среди людей, мощный проводник воли Архангела Михаэля.

Для интеллигенция Рудольфа Штайнера характерно то, что она была интегрирована в интеллигенцию Космоса с полным сохранением индивидуальных черт ее земного носителя. Поэтому эта индивидуальность *есть подлинный мост для человечества в его движении с чувственного берега бытия на сверхчувственный*. Ее пример не может не вдохновлять, но кроме того, отношение к ней носит для человека судьбоносный характер. Здесь нужно только подумать о тех, кто в эпоху Атлантиды смог последовать за Ману, а кто не смог, и какова была судьба этих последних.

Эта индивидуальность не ведет людей к себе, она ведет их *за собой*, и ведет их к Архангелу Михаэлю; Михаэль же ведет людей ко Христу. В таком взгляде на поэтапность пути нет ничего надуманного. Она обусловлена характером развития самого человека, и только им. Идти этим путем никто не принуждает — ни боги, ни люди. На него можно ступить только по свободному решению, хорошо понимая его значение. И идти по нему можно, так сказать, с разной скоростью, которую каждый задает себе сам.

Мистерия Михаэля — это и есть Мистерия Антропософии. Рудольф Штайнер — ее учредитель и ее Верховный Иерофант. Его непосредственными помощниками были те, кто вошел в правление созданного на Рождество 1923/24 г. Антропософского Общества. Их было пять человек, что соответствует принципу микрокосмоса.

Рудольф Штайнер был их *внешним* единством, т.е. он неким образом объединял их, подходя к ним от внешнего мира. Это было тогда довольно плохо понято, поскольку люди, в силу старой традиции, искали в водителе принцип внутреннего единства. Им же в новых условиях является Сам Христос.

Как внутренняя сила в том правлении должен был действовать принцип *триединства*. Его выражали три индивидуальности: Альберт Штеффен, Ита Вегман и Мария Штайнер. Для них Рудольф Штайнер был также и внутренним единством, но только как для проводников его интенций в сферу *внешней* деятельности. Два других члена того правления имели задачу, так сказать, стоять у внешних врат мистериального центра, у его Порога.*

Ита Вегман, Мария Штайнер, Альберт Штеффен.

Созданное на Рождество 1923/24 гг. Антропософское Общество должно было служить некоего рода широким обрамлением Мистерии, поэтому перед его правлением стояли эзотерические задачи, которые нужно было приводить в связь, практически, со всеми сферами жизни цивилизации.

Общество было совершенно открытым для внешнего мира. Условия вступления в него были, на первый взгляд, минимальными: его членом мог стать всякий, кто «в существовании таких институтов как Гётеанум в Дорнахе и Свободная высшая школа Духовной науки, видит нечто правомерное». (Из статутів Общества.) Но «увидеть» это можно было по-разному. Мы со всей уверенностью говорим, что в полную силу это и поныне мало кто увидел.

Общество, Гётеанум, Школа — они стояли открыто, оставаясь при этом глубокими тайнами. И было так: «иди и смотри» (Апок.), смотри и понимай. Насколько ты их поймешь, настолько и станешь к ним причастен. Чем больше твоя причастность к ним, тем больше отзовется в тебе духовная реальность, в которой они коренятся. Проникнешь до определенной глубины понимания — станешь предста-

*) Тут нужно еще заметить, что в нашей попытке понять эзотерический смысл того правления, которое Рудольфом Штайнером было названо эзотерическим, мы опираемся на наш многолетний опыт изучения Антропософии и в особенности ее методологии. Это создает определенный потенциал, позволяющий познавать иносказательный смысл вещей и событий; но всё при этом, будучи высказанным вслух, разумеется, предоставляется на совершенно свободное усмотрение читателя.

вителим антропософского дела в мире. А можешь просто, так сказать, потоптаться в «приделе храма» и думать, что ты и в алтаре побывал. Тогда ты станешь вносить в эти институты хаос, ибо их интенсивно атакуют силы тьмы, которые пользуются упущениями каждого, приближающегося к Антропософии.

В Мистерии Антропософии совершенно реально всё решается на уровне отношения: конкретный человек и Архангел Михаэль. У этого отношения есть ступени восхождения, но это интимный процесс в человеке. Каков он был у тех, кто окружал Рудольфа Штайнера, — мы знать не можем. Они унесли это как тайну с собой. И так это и должно быть. В истории Общества остались лишь внешне факты, события, поэтому понять ее трудно.

У нас почти нет конкретных сведений о том, какими были эзотерические отношения между учениками этой Мистерии, между учениками и учителями. Лишь одно свидетельство сохранил для нас Андрей Белый. Однако оно, как мгновенная вспышка света, озаряет нам полную высокого смысла реальность сверхчувственного, которая в чувственном выражалась часто в совершенно тривиальных вещах.

Из дневниковых записей Бориса Бугаева (т.е. А.Белого) мы узнаем, что на сверхчувственном плане его отношения с Марией Штайнер удивительно напоминали отношения Иоанна Томазия и Марии в Мистериях-Драмах Рудольфа Штайнера. Дадим тут слово самому поэту. Начиная с 1913 года, пишет он, «вся огромность Марии Яковлевны (Штайнер) открылась мне [...] я духовно видел то, что лежало выше меня; я чувствовал себя приподнятым над самим собой; и я знал, что эта приподнятость есть «оккультная» помощь, посылаемая мне Марией Яковлевной, которую я боготворил; она стала для меня одновременно всем: сестрой, матерью, другом и символом Софии; ее лейтмотив в душе вызывал во мне звук, оплотняемый словами:

«Сияй же, указывай путь,
Веди к недоступному счастью
Того, кто надежды не знал.
И сердце утонет в восторге
При виде тебя».*

Разумеется, в этом мне непонятном обоготворении Марии Яковлевны не звучало ноты «влюбленности», и всё же образ ее был для меня символом Софии; иногда этот образ говорил мне: «Вот теперь я тебя

*) Это из романса М.И. Глинки на слова П.П. Рындина.

оставляю: опирайся на оккультную помощь, которую я тебе дала, и уже без меня держись на духовной высоте...» И образ меня покидал [...] я немедленно падал, разбиваясь об условия жизни в чувственном теле [...] я падал; и тогда образ духовной М.Я. глядел на меня с укоризной [...] потом — наступало примирение: М.Я., я чувствовал, опять давала мне свою помощь; и на крыльях этой помощи я вновь чувствовал себя вознесенным в «мир духа» до ... следующего падения»*.

Такого рода отношения имеют большую глубину, они коренятся в карме, связывавшей людей в разных отношениях на протяжении тысяч лет. Тривиальное сознание приучено отзываться лишь на широкую известность событий и лиц. Но в подлинной истории бывает и так, что индивидуальности, самым решающим образом оказавшие влияние на ее ход, могут внешне оставаться совсем мало известными.

Мистерия Антропософии зрела в тысячелетиях, и тысячелетиями в людях шел процесс, сделавший их в конце концов ее творцами и участниками. Не в одном воплощении нужно было так приходиться в связь с отпадавшей от Михаэля интеллигенцией, чтобы теперь быть способным вместе с нею возноситься к духу. Поэтому, как мы видели, существовал иной, более значительный, план истории, наполненный не внешней, а духовной борьбой.

Через ту историю прошли два потока, которые в наше время должны сливаться в одно, сливаться в конкретных людях, являющихся на земле восприимчивыми интеллигенции Михаэля, ни в малейшей степени не посягающими на удержание ее в чувственном мире. Это течения платоников и аристотеликов. Каждое из них получило в Мистерии Антропософии своего водителя, или, так сказать, главного выразителя и представителя в культурно-историческом смысле, который неразрывно связан со смыслом небесным. Ими были Мария Штайнер и Ита Вегман.

В Ите Вегман Рудольф Штайнер вновь обрел своего старого великого помощника, который некогда понес на Восток учение Аристотеля. Рудольф Штайнер сам сообщил, что в Ите Вегман пришла к воплощению та же самая индивидуальность, которая некогда жила в Александре Великом. И мы находим это настолько же логичным, насколько логична известная череда воплощений Рудольфа Штайнера. Мы даже должны сказать, что если бы это было не так, то это было бы

*) А.Белый. Материал к биографии (интимный). «Минувшее». Исторический альманах. М., 1992, стр. 418–419.

своего рода «упущением» с духовной точки зрения — этим двум поистине ключевым индивидуальностям, так долго и упорно бившимся за интеллигенцию Михаэля, в самый решающий момент истории не оказаться вместе.

По другую, так сказать, руку Рудольфа Штайнера встал его второй кармически обусловленный помощник, а в прошлом учитель — Альберт Великий. Индивидуальность, жившая в нем, воплотилась вновь в Марии Штайнер. Об этом Рудольф Штайнер также сказал сам.

Через Иту Вегман и Марию Штайнер течения аристотеликов и платоников вошли в лемнискатообразный мост, соединяющий обе ветви спирали прафеномена культурных эпох. Они вошли в него *через* Гётеанум и в *форме* Гётеанума. Мы знаем феномен возникновения хладниевых фигур. Гётеанум был на физическом плане построен таким образом, что он действовал на духовное подобно действию магнита на железные опилки. Он давал духовным течения, вбирая их в себя, особую форму. Это было действительно каким-то еще неданным чудом: земная форма давала форму процессам метаистории. Души людей, принадлежавших к этим двум духовным течениям, сошлись в физическом земном воплощении. Значительно преобладали при этом аристотелики, но это в данный момент для наших рассмотрений не существенно. Гётеанум притянул к себе их духовность и придал ей лемнискатообразный характер движения, т.е. ввел эти течения в процесс их дальнейшего развития на земле. Лемнискаты этих течений наполнили Гётеанум внешним и внутренним содержанием, и при этом — в точном соответствии с характером и задачами 5-й, современной культурной эпохи.

Как мы помним, одна из главных ее особенностей заключается в том, что потенциал собственных сил она должна развивать не в качестве наследия греко-латинской культурной эпохи, а совершенно заново, в силу чего основной ареал ее действия населил этнос северного пояса культуры, прошедший через четыре первые культурные эпохи собственным путем.

Мы считаем, что Ита Вегман в центре Мистерии Антропософии представляла этот пояс северных народов. Этим народам в большей мере присущ волевой элемент, а ведь именно с ним и соединился аристотелизм в лице Александра Великого. Кроме того, Александр понес в Азию Аристотелево естествознание, а Мистериям друидов и тротов, а также и народным верованиям севера было присуще особое отношение к природе, к природной магии, к элементарным духам природы. Им была близка и понятна *метафизика* природы.

Профессионально Ита Вегман была связана с медицинским им-

пульсом Антропософии. Эта медицина основывается на прямом знании целящего действия эфирных сил природы. Само врачевание понимается в Антропософии в широком смысле: как исцеление человека от наследственного греха. Именно в силу обремененности интеллектом человек делается больным и в теле, и в душе, и в духе. Узко, материалистически взятый аристотелизм стал выражением больной природы человека. И наоборот: аристотелизм, доросший до идеи метаморфозы формы сознания, является целительным средством. Если угодно, медицина в широком антропософском смысле может пониматься и как высшая стадия теории познания. Разве случайно Христос Иисус, странствуя по земле, то и дело совершает исцеления? Если взять это чисто внешне, то мы должны сказать: Он либо старался убедить людей в Своей силе, либо занимался ненужным для Бога делом, поскольку на земле больных неизмеримое число.

Бог, странствуя по земле, делал главное дело: разъяснял людям призыв Иоанна Крестителя: измените способ вашего восприятия и постижения мира, измените конституцию вашей души, — и Он при этом как бы продолжал: тогда вы избавитесь от болезни наследственного греха и от любой болезни.

Именно это и демонстрирует миру Антропософия в широком диапазоне познания и действия — от гносеологии до медицины. Избавление от наследственного греха снимает препятствия и на пути снятия всякого разделения людей: будь то на аристотеликов и платоников, будь то на каинитов и авелитов и т.д.. Должен быть восстановлен на индивидуальной основе единый райский тип человека.

О самой Ите Вегман следует еще сказать, что она была голландкой, а родилась на Яве, бывшей колонией Голландии. В древности в этой области была Лемурия. В духовной атмосфере тех мест сохраняются остатки ее духовности, и это имеет вполне конкретное значение для высшей духовности человека, особенно для человека высоко развитого. В Лемурийскую эпоху произошло разделение человека на два пола, а потом грехопадение, изгнание из Рая. А для нашей, 5-я коренной расы характерно то, что в ней, как говорит Рудольф Штайнер, произошло «расщепление духовного развития на культуру Иеговы и масонство»*. Возникла борьба между мужским и женским типами мудрости, между авелитами, духовенством, и сынами Каина, создателями наук, искусств и т.д. Известно, что Ита Вегман была членом масонской ложи, которая (это можно только предположить) принадлежала к типу лож европейского севера, где, во всяком случае

*) Лекция от 23 окт. 1905 г. (Из частного архива.)

до начала XX в., могли еще сохраняться остатки знаний о Гиперборее, о северном посвящении древности. И по складу характера Ита Вегман была каиниткой. Такого вот сложного рода поток представляла она в центре Мистерии Михаэля, Мистерии Антропософии.

Иное было в этой Мистерии представлено через Марию Штайнер. В первую очередь, это был южный поток культуры, в котором к людям пришел Христос. В нем же пришло в Центральную Европу течение платоников. Не следует думать, что южный поток всецело заключал в себе авелево или платоновское начало, северный — каиново или аристотелевское и т.д. Нет, речь у нас идет о том, что в Гётеанум вошли и должны были слиться благодаря ему воедино течения аристотеликов и платоников. При этом одно из них пришло в Гётеанум как бы из северного пояса культуры, а другое — из южного. Это имело большое значение для метаморфозы южного импульса культуры в северный и для осуществления северным потоком своего предназначения.

Жизненным призванием Марии Штайнер было искусство. Особенно глубоко она вошла в искусство слова, в искусство рецитации, импульс к становлению которого дал Рудольф Штайнер. Кроме того, она просто подвижнически занималась изданием книг и лекций Рудольфа Штайнера. Нечто от характера Школы в Шартре проявлялось в ней, а как издатель она стала проводницей новой мудрости в широкий мир. В новых условиях и уже по-новому, но эта ее работа чем-то напоминала работу ближайшего ученика Аристотеля Теофраста — популяризатора, продолжателя и в определенной мере спасителя духовного наследия Аристотеля. И еще в Марии Штайнер с большой силой действовал принцип древних Мистерий, в которых искусство, наука и религия были единством. В южном потоке культуры они в ходе времени разделились; в Гётеануме они вновь должны были стать единством.

По складу характера Мария Штайнер гармонично и сильно соединяла в себе Авелево и Каиново начала. Посвящение она получила под руководством Рудольфа Штайнера*.

Южный поток получил свое увенчание в Гётеануме в его новом храмовом искусстве, в науке посвящения, в его эзотерике. Можно представить себе образно, мистически-символически этот поток

*) Об этом свидетельствует Адольф Аренсон, один из ближайших учеников Рудольфа Штайнера. А в древности, как уже говорилось выше, эта индивидуальность прошла через посвящение у кельтов и в орфических Мистериях.

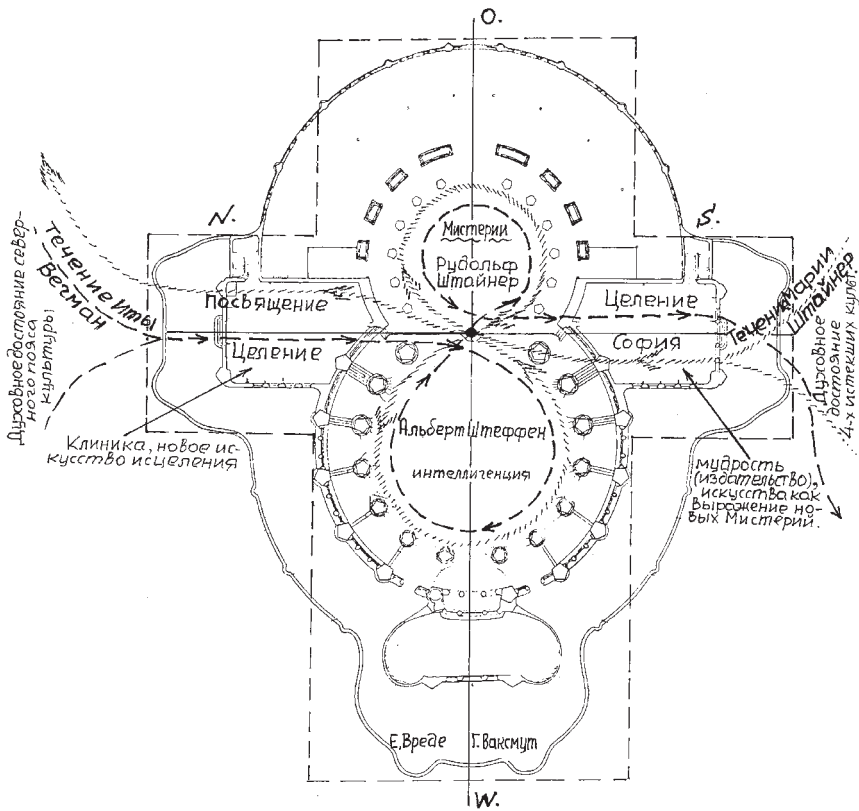

Рис. 56

входящим через южное крыло Гётеанума, делающим петлю в пространстве малого купола с его особой эзотерикой колонн и всего, что происходило на сцене, далее идущим в большой зал, т.е. в мир, а из него через северное крыло – в будущее движение от 5-й к 6-й культурной эпохе (рис. 56).

Течение Иты Вегман мы можем представить себе идущим в противоположном направлении, только оно сначала идет в большой зал, выражая себя сначала экзотерически, соединяясь с данностью современного положения человека, находящегося в потоке наследственности, который только усугубляет его болезнь, некогда вызванную Люцифером. В этом потоке не хватает воли к воскресению во Христе, единственно дающим полное исцеление. (Поэтому в Антропософии существует так называемая «пасторская медицина».)

Свое духовное возвышение поток, идущий с Итой Вегман, получает, вступая в эзотерику малого купола. Оттуда он течет в культуру южного пояса, неся с собой духовную пластичность и принцип целения, так необходимые ей, чтобы совершить метаморфозу.

Сливаясь вместе, оба потока образуют единую лемнискату развития, которым идут на пути Антропософии. В Гётеануме эта общая лемниската была представлена Альбертом Штеффеном, его творчеством.* В Штеффене жила индивидуальность, которая в прошлом была известна как Джотто — один из первых христианских живописцев. Альберт Штеффен в своей поэзии, драматургии, живописных опытах осуществлял синтез искусства, науки о прекрасном и религии. Это был поэт, художник, всецело рожденный из духа Антропософии.

Такова эзотерическая сторона Гётеанума как центра Антропософии и антропософов. Он действительно был словно бы оккультной печатью, поставленной на прафеномен культуры. Прошлое и будущее мира соединились в нем в настоящем, и в это настоящее Рудольф Штайнер вносил свое учение, свои художественные импульсы, свою науку и практику посвящения. Из Гётеанума всё это текло в широкий мир. Какой вид это имеет в настоящее время, когда Гётеанум пребывает на астральном плане, — об этом нам расскажет посвященный, который когда-то появится среди нас.

Этим нашим рассмотрением мы, конечно, не раскрыли всей эзотерической тайны Гётеанума. Наша задача была скромнее: обратить внимание людей на то, что этим строением им было явлено сущее чудо и что относиться к нему нужно памятуя следующие слова Рудольфа Штайнера: «...храм (т.е. Гётеанум. — *Авт.*) неким образом отделен от земли... также восток, запад, юг, север мыслятся в храме спиритуально. Всё, что принадлежит к нашему храму, — *сверхземное. И отправления в нем должны рассматриваться сверхчувственно*»**.

Теон — София

Рудольф Штайнер называл Марию Штайнер космическим существом. И это было не метафорой. Но тогда встает вопрос: как это следует понимать? Над этим в течение уже многих десятилетий за-

*) Альберт Штеффен был талантливым швейцарским поэтом, драматургом, эссеистом. Лишь по причине оппозиции внешнего мира Антропософии его имя замалчивается в ряду европейских писателей XX века, а он в нем — среди звезд первой величины.

**) Эзотерический урок в Кёльне, 12 мая 1913 г. (Из частного архива.)

думываются серьезные антропософы. Попробуем поразмышлять на эту тему и мы. Нас, русских антропософов, это должно интересовать в особенности, поскольку Мария Яковлевна фон Сиверс если и не была русской по рождению, то была ею по языку, по воспитанию, по особенностям склада своего характера и др.

Известен один факт, говорящий о космизме ее существа. Когда Рудольф Штайнер работал над моделью первого Гётеанума, то она часами *позировала* ему! Представим себе только этот неслыханный в истории искусства случай. Рудольф Штайнер работает внутри двухкупольной модели Гётеанума (она была большого размера), творит формы его колонн, капителей, ищет цветовую гамму купольной живописи и т.д., а натурой ему — как это обычно бывает только в случае портретной живописи и скульптуры — служит человек. Рудольф Штайнер называл Марию Штайнер в таких случаях своей «инспирирующей». Гётеанум же, как мы теперь знаем, был чувственно видимым выражением духовного космоса. И этому выражению нужно было дать форму человека как микрокосма, и не просто любого человека, а человека совершенно особого. Рудольф Штайнер говорил, что Гётеанум «во всех своих формах является воплощением *спиритуальной сущности*, которой мы привержены» (ИПН. 153, 14.4.1914). Эта сущность, говорил он в другом месте, реально пребывает в духе как существо иерархического рода. Его имя Антропо—София.

Таким образом, Рудольф Штайнер строил дом для реального иерархического существа, которое называется Человеко—Софией. И Мария Штайнер была земной моделью при создании этого дома. Это означает, что Гётеанум стал ее архитектурно-пластически-живописным портретом. Да, тут есть над чем задуматься.

* * *

Существует ряд чрезвычайно интересных воспоминаний о Марии Штайнер, имеются попытки написать ее биографию. Из них можно узнать о внешних фактах ее жизни и, что особенно важно: о впечатлениях, какие она производила на окружающих. О фактах ее биографии хорошо известно в антропософской среде на Западе, но в России об этом знают совсем мало, поэтому мы должны их пересказать.

Мария Яковлевна фон Сиверс родилась 14 марта 1867 г. в половине пятого утра в маленьком польском городке Влотлавек, где ее отец, генерал-лейтенант русской службы, командовал гарнизоном русских войск.

Всего в семье было пятеро детей. Из них дольше всех прожила Мария. Младший брат, окончивший пажеский корпус, был горячим русским патриотом и погиб в 1915 г. на войне. Сестра в 1917 г. умерла в Петербурге от голода. Другой брат имел слабое здоровье и умер еще до наступления XX века. Судьба старшего брата, морского офицера, бывшего русским консулом в Дании, не известна.

Первое упоминание о роде Сиверсов в России восходит ко временам Петра I, когда Петер фон Сиверс, выходец из немецко-датского Гольштайна, поступил в русскую морскую службу и поднялся в ней от чина лейтенанта до адмирала и командовал какое-то время всем флотом Петра на Балтике. Он также немало потрудился при возведении морской крепости Кронштадт.

В семейном предании сохранилась одна интересная история, приключившаяся с адмиралом. Задумал однажды царь выйти со своим флотом в открытое море. Изрядно штормило. И вдруг царь решил взять командование флотом на себя. Адмирал воспротивился, говоря, что делать это в условиях шторма опасно, но царь, как известно, был очень настойчивый. Тогда адмирал объявил, что силой данной ему власти он царя арестовывает, после чего запер его в каюте. Когда флот вернулся в гавань, Петр I понял, что, настаивая на своей затее он рисковал и флотом, и своей жизнью. Он признал правоту адмирала, действовавшего в соответствии с морским уставом, и даже наградил его баронским титулом и поместьем в Лифляндии.

Марии еще не было восьми лет, когда семья переехала в Ригу, а еще через два года отец вышел в отставку и поселился с семьей в Петербурге. Там в одной частной школе Мария получила довольно основательное гуманитарное образование, включавшее в себя историю, литературу, языки. Рано в ней обнаружилось влечение к поэзии. Уже в 12 лет она открыла для себя, что в поэтической речи живет таинственный внутренний звук; ее также глубоко волновала красота поэтического ритма. Этому способствовали детские переживания катящихся на берег морских волн, которые она наблюдала, еще живя в Польше, где семья часто выезжала на берег моря. А в Петербурге детей регулярно вывозили на природу к финской границе. Впечатлительной девочке, в которой рано проявилась особенная душевная глубина, эти поездки давали несравненно больше, чем другим.

Когда она подросла, в ней пробудилась тяга к красоте античного мира, к Греции. Она вознамерилась учить греческий язык, однако в семье воспротивились этому. «Зачем девушке из аристократической семьи греческий?» — так рассуждали родители. Позже Мария фон Сиверс оценила этот запрет как правильный жест судьбы. «Страст-

ное погружение в гречество, — признавалась она, — помешало бы мне найти путь к духовности будущего».

Руководитель той частной школы, где училась Мария, говорил о ней, что это лучшая ученица из всех, каких он когда-либо видел. Он называл ее «юным Шиллером».

По окончании школы Мария фон Сиверс получила диплом, дававший ей право работать учителем гимназии. Но она хотела учиться дальше и задумала поступить в университет, чтобы изучать сравнительное языкознание. Она свободно говорила и писала на четырех европейских языках. Однако семья воспротивилась и на этот раз. Причиной был страх, что в университете на молодую девушку могут оказать влияние социалистические идеи, которые в то время были необыкновенно широко распространены в студенческой среде.

Чтобы все-таки добиться своего, она поехала в Париж, намереваясь поступить в Коллеж де Франс на санскритское отделение. Ее сильно интересовало исследование природы, особенностей русского языка как находящегося между санскритом и европейскими языками. Но в коллеже она натолкнулась на холодное и даже презрительное отношение профессоров к намерению женского существа вторгнуться в науку.

Поэтому после окончания школы Мария фон Сиверс некоторое время работала учительницей в школе для детей рабочих в Петербурге. Опасения родителей, что социалистические идеи могли бы оказать на молодую дочь влияние, вообще говоря, не были лишены оснований. В ней довольно рано стала сильно проявляться любовь к самостоятельности, свободолюбие, стремление к эмансипации, отторжение сословных предрассудков, острое переживание социальной несправедливости. И она умела, не конфликтуя, в важных для нее вопросах настоять на своем.

В пролетарской школе, где она начала работать, несколько классов занималось одновременно в одном помещении. Чтобы быть услышанными учениками, учителям приходилось просто кричать. Результатом такой работы стал сорванный голос, причем настолько, что пришлось прибегнуть к операции. Но что было при этом интересно: после операции довольно продолжительное время при всякой попытке говорить Марии приходилось преодолевать определенное сопротивление, а в результате в ее речи вдруг что-то освободилось. Рудольф Штайнер говорил потом, что всё это было помогающим жестом судьбы, благодаря которому ей со временем удалось достичь величайшей высоты в искусстве новой рецитации, основы которого заложил Рудольф Штайнер. В этом искусстве перед учениками стоя-

ла задача так овладеть речью, словом, чтобы оно звучало будучи «свободным от органов речи». В чуде такого искусства Мария Штайнер добилась совершенства.

У Марии фон Сиверс уже в ранней юности пробудился талант драматической актрисы. Она, живя в Петербурге, участвовала в любительских спектаклях, всегда вызывая у публики неподдельный восторг. Все прочили «нашему эдельвейсу» — так тогда с любовью называли ее — будущее знаменитой актрисы. Однако и тут поперек дороги встала семья: как!? девушке-аристократке стать артисткой?! Так с разных сторон вставали барьеры, и они сужали поле жизни.

А в Марии нарастал поиск смысла жизни, предназначения человека. «Где истина?» — с тревогой спрашивала она себя. Свинцовое небо Петербурга навевало чувство безысходности. Отдушиной были природа и русские поэты. Она любила Пушкина, Лермонтова. Ее сильно заинтересовала поэзия Владимира Соловьева. Любовь к ней она сохранила на всю жизнь и позже делала переводы ее на немецкий. А еще ее восхищала врожденная спиритуальность русских людей. Однажды она решилась рассказать горничной Нюше о том, что существуют перевоплощения, и та тотчас же отозвалась: «Это что-то такое, что мне хорошо понятно!»

Из поры детства Мария хранила воспоминания о няне — светлой, доброй русской женщине, рассказывавшей ей народные сказки и певшей песни. Однажды няня задумала сходить в Иерусалим поклониться гробу Господню и намерение свое осуществила. Из дальнего странствия она принесла Марии кипарисовый крестик.

После операции на голосовых связках Мария больше не могла преподавать в школе, и в ней созрело намерение «идти в народ». Брат в это время купил в Новгородской губернии небольшое имение, и она стала там учить деревенских детей началам грамоты, завела небольшую амбулаторию, где крестьяне могли получить несложную медицинскую помощь, лекарства.

Однажды летом, в Иоаннов день она полезла в погреб за продуктами и упала с лестницы. В течение нескольких дней после этого она лежала, почти не подавая признаков жизни. Окружающие думали, что она уже умирает, а когда она все же пришла в себя, то крестьяне сказали, что это Бог совершил чудо, ибо «барышня уж очень хорошая».

Через некоторое время брат, страдавший чахоткой, умер. Молодой девушке одной оставаться в глухой деревне было нельзя, и она вернулась в Петербург. Тяга к театру необоримо росла в ней, и она уехала учиться в Парижскую консерваторию. Там был факультет искусства рецитации. Эта учеба давала шансы на поступление в труп-

пу Комеди Франсез. Но через два года пришлось снова вернуться в Петербург. А там как раз в это время талантливая актриса немецкой труппы Михайловского театра Мария фон Штраух-Шпеттини решила ставить «Марию Стюарт» Шиллера. И она дала Марии фон Сиверс в драме главную роль. Успех граничил с сенсацией. Однако и тут решением семьи было: если ангажемент — то только за границей.

У Шпеттини были хорошие связи с Берлинским театром им. Шиллера. Она уговорила Марию фон Сиверс поехать с нею туда, уверяя, что с ее талантом она непременно будет там принята. Но большой сюрприз, впрочем, известного рода, ожидал ее там. Директор театра д-р Рафаэль Лёвенфельд принял соискательниц очень любезно. С большим интересом он прослушал рецитацию Марией фон Сиверс одной сцены из «Марии Стюарт» и в конце сказал, что это было настолько убедительно, что он готов дать дебютантке главную роль в «Орлеанской деве», премьеры которой должна была состоять ближайшей осенью.

Да, это был большой успех: вот так, с первого раза получить главную роль в известном театре, который был знаменит своей верностью классическим традициям! Подруги едва сдерживали ликование. Мария фон Сиверс с энтузиазмом принялась за работу. А ее было много. Среди прочего требовалось, например, в течение трех месяцев избавиться от прибалтийского акцента в немецком языке. Но очень скоро всему пришел конец. Во время следующей встречи д-р Лёвенфельд сказал: «Видите ли, наш театр, как, впрочем, и любой другой, сильно зависит от прессы. Нам очень важно, что о нас пишут рецензенты. От этого зависит наш успех. Чтобы Ваш бенефис обезопасить с этой стороны, я позволю себе дать Вам один добрый совет. Наденьте лучшее, что у Вас есть, воспользуйтесь искусством косметики и постарайтесь привлечь на свою сторону журналистов».

Словно черный занавес упал перед внутренним взором Марии и загородил ей всю будущую жизнь. Как потерянная шла она по улице летнего Берлина, а голос внутри обескуражено и возмущенно вопрошал: «Как? Святое искусство, изшедшее из храмов Мистерий, где боги говорили с людьми, теперь опошлено до такой степени?» Мария Шпеттини пыталась ей что-то объяснять, в том смысле, что так заведено, практически, повсюду и т.д. Но потом остановилась и сказала: «Да, Мария, это не для тебя. Ты человек совсем иного рода».

Татьяна Киселева, талантливая русская эвритмистка, ученица Рудольфа Штайнера, в своих воспоминаниях о Марии Штайнер пишет по этому поводу: «Со всей очевидностью здесь перед нами встает факт, что спиритуальность, что подлинное целомудрие с одной сто-

роны, и жизнь современного театра — с другой, которая совершенно чужда мистериальному источнику всякого подлинного искусства, являются двумя тяжело примиримыми вещами. Соприкосновение с грубой действительностью, отчужденной от духовности и душевной глубины эпохи, и отказ идти с нею на компромисс привели к тому, что определило дальнейшую судьбу Марии фон Сиверс: на путь успеха и славы во внешнем современном театральном мире она вступать не будет...»

Но и капитулировать перед этой действительностью Мария фон Сиверс не собиралась. Она сохранила свою мечту обновить театр в его мистериальной сути и продолжала работать в одиночку над искусством слова. За год до описанных печальных событий, в 1898 году она встретила книгу французского писателя, эльзасца Эдуарда Шюре «Великие посвященные». На нее повеяло из книги чем-то знакомым и близким. Потом она прочла его драму мистериального характера «Дети Люцифера». Она подтвердила ей правильность избранного ею пути. Между нею и автором завязалась оживленная переписка. Ее нужно читать хотя бы на немецком языке, чтобы пережить легкость, изящество, красоту, необыкновенную живость и непосредственность стиля Марии фон Сиверс. Шюре, читая эти письма, был совершенно очарован и заинтригован ими. Он попросил свою корреспондентку прислать ему ее фотографию. Он должен был также и видеть, что это за чудесное явление, с которым его свела судьба.

Некоторое время спустя Мария фон Сиверс уже совместно с Рудольфом Штайнером осуществила постановку Драм-Мистерий Шюре и сама играла в них. Это было эпохальным событием. Пусть оно свершилось в сравнительно небольшом кругу — это были в основном члены Теософского общества, с которыми в начале XX века работал Рудольф Штайнер, — но с ним в мир снова пришла мистериальная драматургия. Шюре был постановками и игрой Марии фон Сиверс просто потрясен. Ему открылась такая эзотерическая глубина и космичность его творений, о которых он и сам не подозревал.

Мария фон Сиверс победила «грубую действительность».

* * *

Встреча Марии фон Сиверс с Рудольфом Штайнером состоялась в 1900 г. в Берлине. Ей тогда было 33 года. Ее пригласили на его лекцию, которую он читал в библиотеке графа и графини Брокдорф. С этого момента в ее жизни начинается великий поворот, даже, можно сказать, перелом.

Уже в 30-е годы она писала о той встрече: «Мой жизненный путь должен был привести меня к нему, ибо он был единственным, кто мог давать ответы на штурмующие вопросы нашего поколения в эпоху интеллектуальнейшего материализма». Но истинная сущность встречи этих двух во всех отношениях совершенно необыкновенных людей далеко выходила за пределы духовных запросов их личного. Она была судьбоносной для всего антропософского импульса, вступившего тогда в мир. Этот импульс в прямом смысле слова вошел в существо Марии фон Сиверс, и оно стало *другим*, о чем мы будем говорить чуть позже.

А внешне, чисто по-человечески, встреча с Рудольфом Штайнером поставила Марию фон Сиверс перед выбором, который в своем роде был совершенно уникален. Она поняла, что в деятельности Рудольфа Штайнера она встретила с таким излиянием духовности на земной план, какого не бывает и раз в тысячу лет и которое несет миру совершенно новый облик. И она увидела, что для этого ему приходится работать так, как еще не работал ни один человек, и потому ему совершенно необходима помощь. А помогать ему означало забыть себя, как это делал и он.

Такова была одна сторона дела, а на другой стороне было призвание, было любимое искусство. Ему тоже нужно было посвятить себя всю. И перед нею встала задача соединить два огромных дела: служить Духовной науке в ее движении в широкий мир европейской цивилизации и служить обновляющему искусства импульсу Антропософии. Немалый труд предстояло совершать и в связи с институализацией антропософского движения.

Мария фон Сиверс взяла на себя эту задачу и на этом, можно сказать, ее личная биография заканчивается. Начинается самоотверженное служение миссии и труду Рудольфа Штайнера. В ее служении инициированным Антропософией искусствам не было и тени того, что можно назвать самореализацией артиста, художника. Так зачеркнуть себя, так самоустраниться ради служения высшему — на такое мало кто способен. Но велики были и плоды этого самоустранения. Эвритмистка Илона Шуберт не раз слышала, как Рудольф Штайнер говорил, что без помощи Марии Штайнер, без сотрудничества с нею было бы невозможно вызвать к жизни ни Антропософию, ни Общество! Без нее мы не имели бы ни напечатанных лекций Рудольфа Штайнера, ни эвритмии, ни школы рецитации, ни постановок Мистерий-Драм, «Фауста» и много другого*.

*) См. Mitteilungen aus der anthroposophischen Bewegung, № 71, Nov. 1981.

Сомневаться в этом нет никаких оснований, ибо вот что еще говорил сам Рудольф Штайнер о самом первоначальном периоде его работы с Марией фон Сиверс. В лекции от 11 октября 1915 г. он вспоминает, что в 1901 году у него состоялся с нею разговор, в котором она поставила ему вопрос: «...а не назрела ли уже большая необходимость вызвать к жизни в Европе духовное движение? В ходе разговора, — говорит он далее, — я вполне определенно сказал: конечно, необходимо... но только я еще нахожу необходимым, чтобы такое движение было непременно приведено в связь с европейским оккультизмом, исключительно лишь с ним и развивало бы его далее. И еще я сказал, что тут нужно прийти в связь с Платоном, Гёте и т.д. Я изложил целую программу, которая потом и осуществилась».

Иоханна Мюкке, пришедшая от Карла Либкнехта к Антропософии, многолетняя усерднейшая помощница Марии Штайнер в ее издательской деятельности, сообщает об одном разговоре между Марией Яковлевной и Рудольфом Штайнером в Дорнахе, при котором она присутствовала. В нем Рудольф Штайнер вспоминал, как Мария Штайнер поставила ему вопрос, нельзя ли было давать теософскую мудрость в форме, более соответствующей европейской духовной жизни и с учетом Импульса Христа, и далее сказал: «Тем самым мне была дана возможность действовать в том смысле, который витал передо мною. Вопрос был поставлен, и я мог в соответствии с духовным законом давать на него ответ». Так было, фактически, положено начало тому великому повороту в духовной истории человечества, благодаря которому старый принцип «свет с Востока» впервые сменился принципом «свет с Запада».

Во внешней жизни Мария Штайнер стала некоего рода Ангелом-хранителем Рудольфа Штайнера. Она организовывала его поездки с лекциями по всем странам Европы, для чего нужно было решать уйму вопросов: о сроках, о месте, о номерах в гостиницах, о железнодорожных билетах и т.д. и т.п. Очень часто она и сама сопровождала его в этих поездках. Но силы у них были не равные. Временами она падала в изнеможении, а потом поднималась и снова пускалась в поездки. Это был просто невообразимый объем работы. Рудольф Штайнер нередко спал лишь один час в сутки, а то и вовсе оставался без сна и жил лишь благодаря тому, что был, как говорится, «не здешней силою хранимый».

Рудольфа Штайнера сильно донимала привередливость издательств, в которых выходили его книги. Мария Штайнер на собственные деньги учредила Философско-антропософское издательство. В нем она организовала и выпуск лекций, для чего ей пришлось

с головой и до конца своей жизни погрузиться в их редактирование, поскольку записи были несовершенными, а у Рудольфа Штайнера совсем не было времени, чтобы редактировать их самому. У него даже не было времени, чтобы отвечать на конкретные вопросы Марии Штайнер касательно содержания.

Рудольфа Штайнера просто осаждал поток посетителей. Беседы с ними отнимали у него особенно много сил. Марии Штайнер пришлось взять на себя особенно трудную задачу: этот поток как-то ограничивать, что, конечно, не прибавляло ей друзей.

А еще нужно было готовить программы с эвритмистами, рецитировать им, организовывать их выступления. Ну и, наконец, — ответственная административная работа. Уже в начале их знакомства Рудольф Штайнер назначил Марию Штайнер секретарем германской ветви Теософского общества, а когда было создано Антропософское общество, она вошла в его правление.

В письме от 7 января 1905 г. она пишет о деятельности Рудольфа Штайнера: «...у меня просо дух захватывает, если я лишь наблюдаю ее...» А нужно было не только наблюдать, но и активно участвовать в ней. Огромные физические и духовные нагрузки обострили проблемы со здоровьем. Падение с лестницы в имении брата оставило свои следы. Периодически на ушибленном позвоночнике возникал абсцесс. В 1911 г., когда они вместе с Рудольфом Штайнером были в Болонье, ей стало настолько плохо, что, когда ее привезли в гостиницу, хозяйка возмущенно говорила: «Через три дня синьора умрет, а это повредит репутации мой гостиницы!» Но случилось чудо. В Болонье находятся реликвии Фомы Аквинского. Позже Мария Штайнер полусуто говорила: «Это он мне помог». Ибо абсцесс вдруг вскрылся сам, и она ожила.

И такая жизнь продолжалась 21 год, начавшись с поездки с Рудольфом Штайнером в Англию летом 1903 г. и закончившись тоже поездкой в Англию летом 1924 года. После того Мария Штайнер ездила одна с гастролями эвритмистов и рецитаторов.

Роль Марии Штайнер в становлении новых видов искусства, рождавшихся из высоких интуиций Рудольфа Штайнера, просто неопределима. Ей целиком обязано своим развитием искусство рецитации. Но при этом следует сказать, что и эвритмия развилась как бы из рецитации Марии Штайнер: видимое слово — из слышимого слова. Об этом со всей определенностью говорит Татьяна Киселева, достигшая в искусстве эвритмии особенно больших высот.

Чтобы эвритмисты могли работать, нужно было часами рецитировать им и на репетициях, и во время выступлений. А то, как это дела-

ла Мария Штайнер, было не сравнимо ни с чем. Один из ее учеников, Фрэд Пёппиг, пишет, что ее мотивом было: обремененное материей земное бытие пронизывать духом. В ее существе Антропософия жила непосредственно, не как мысленное достояние, а как «дарящая себя жизнь». Через слово, произносимое ею, сам импульс Антропософии непосредственно формировал эвритмическое движение; формировал он и исполнителей эвритмии.

Безмерной была и благодарность к ней Рудольфа Штайнера. Уже в конце жизни он писал ей: «...я действительно не могу выразить Тебе, насколько восхищает меня Твоя самоотверженная деятельность и сколь благодарен я Тебе за всё, что Ты так благодатно совершила». А еще в 1905 году он писал: «Твое благословение требуется нашему делу». Эдуард Шюре в 1908 г. признавал: «Благодаря ей он может свой труд вносить в мир».

* * *

В своей автобиографии, написанной в конце жизни, Рудольф Штайнер в предпоследней главе пишет о Марии Штайнер: «...я должен назвать ее центральной носительницей Движения, ибо она является его основательницей». Это не похвала. Это факт огромного значения. И потому важно нам составить представление о том, какой была эта «основательница», как воспринимали ее окружающие люди.

Ну, прежде всего, нельзя не сказать о том, какое впечатление производил внешний облик Марии Штайнер. Она была настолько красивой, что люди на улицах, например в Берлине, останавливались и не могли удержаться от того, чтобы не сказать ей об этом, не выразить свое восхищение.

А вот как пережила ее взглядом профессиональный художницы Маргарита Волошина. В книге своих воспоминаний «Зеленая змея» она пишет, что впервые ей довелось наблюдать Марию фон Сиверс в 1908 г. в Цюрихе. «В большом зале я увидела сидевших впереди меня двух дам, очень живо беседовавших между собой. У одной из них, чей тонкий профиль я могла время от времени видеть, были золотые волосы и такой цветущий, нежный цвет лица, какой обычно бывает только у маленьких детей. Когда она повернулась к двери, я увидела совершенно невероятные глаза — синие и огненные, как сапфир. Губы были нежные, но твердые, четко очерченный подбородок. Мне бросились в глаза ее очень красивые маленькие руки. Порой она сердечно смеялась, порой казалась возмущенной, и тогда кровь легко прилиwała у нее к лицу. Я с интересом наблюдала ее, ибо она очень

мало походила на других женщин в зале». Несколькими страницами далее Волошина еще пишет: «Ее глаза были как сапфир. Вплоть до ее смерти в преклонном возрасте они сохранили свое свечение. Лишь высоко в горах можно переживать такую синеву. Вокруг нее был высокогорный воздух».

Современники Марии Штайнер отмечали, что во всех положениях жизни она была необыкновенно прямой, решительной и «самой истинностью». Киселева пишет о ней: «Внешняя тонкость ее аристократической натуры, одновременно и скромной, и гордой, ее глубокая и тонко чувствующая восприимчивость, широта и уравновешенность ее рассудка, в равной мере одаренность как в деятельности мысли, так и в искусстве делали ее удивительным образом подходящей для роли посредницы и апостола». И еще: «Как основную черту ее существа я пережила бессамость: бессамость носителя высочайшей духовной сверхличной цели. Там, где многие ощущали произвол, субъективность, несправедливость, недостаток знания дела, людей, я могла переживать, что *через посредничество Марии Штайнер говорит словно бы космическое суждение, происходит род космического суда*». (Подч. нами. — *Авт.*) А Рудольф Штайнер говорит, продолжает Киселева, что «вся наша земная жизнь поставлена неким образом в свет космического суждения. ... Особенно суждения Ангела важны для оценки деяний отдельного человека». (Это из ИПН. 227.)

Татьяна Киселева пишет еще, что была свидетельницей того, как трудно было Марии Штайнер делать людям замечания, быть с ними строгой, когда это было необходимо.

Помятуя о филистерском духе нашего времени, легко представить себе, почему и врагов было у Марии Штайнер достаточно. Через нее человеку открывалась правда о его собственном характере, выносить чего он был зачастую не способен. А такого люди не прощают. Но что интересно при этом: именно космичность существа Марии Штайнер чаще всех переживали русские антропософы и искренне восхищались ею.

С враждой приходилось сталкиваться им обоим — и Марии Штайнер и Рудольфу Штайнеру; и не только филистеров, но и духов тьмы. Уже в 1905 г. Мария Штайнер в одном письме пишет: «...он (Рудольф Штайнер) не надламывается никогда, но, как всегда бывает в таких случаях, если выступает такая сильная индивидуальность, с абсолютной самоотверженностью, с безграничным воодушевлением, то поднимается безмерная вражда. Громоздятся горы ненависти, да, они уже громоздятся». Противостоять ей было совсем не просто, и Рудольф Штайнер, чтобы поддержать Марию Штайнер, писал ей:

«Это ведь совершенно очевидно, что еще много противящихся сил восстанет против нашего душевного союза; этим вещам нужно противостоять со спокойствием» (апрель 1905).

«Противостоять со спокойствием» — это одно из главных жизненных правил оккультиста. Но как трудно бывает следовать этому правилу даже посвященному, когда дело идет о вещах неизмеримо важных, о судьбе человечества. Когда он знает, что от успеха дела, которому он служит, зависит: взойдет ли человечество к свету из пучины зла и страданий или еще глубже ввергнется в нее.

Марии Штайнер переживания такого рода были очень хорошо знакомы. И ей приходилось напрягаться всеми силами своего существа, чтобы выдерживать «цунами» мелочного эгоизма, зависти, непонимания, глупости, а также и неприкрытой вражды к духу и по возможности ограждать от них Рудольфа Штайнера.

Когда в начале мировой войны их давний близкий друг Эдуард Шюре, поддавшись французской шовинистической пропаганде, выступил с обвинением Рудольфа Штайнера в национализме, то Мария Штайнер слегла и три дня была словно парализованной. И потом — как следствие таких переживаний — ей всё больше начали отказывать ноги. А то, что она пережила при пожаре Гётеанума, сопоставимо с переживаниями лишь самого Рудольфа Штайнера, которому после него стало необыкновенно трудно удерживаться в физическом теле и продолжать инкарнацию.

«Мне приходилось постоянно бороться», — напишет в конце жизни Мария Штайнер. А Фред Пёппиг скажет о ней: «Путь несения креста она прошла до конца».

В декабре 1914 г. Мария Штайнер и Рудольф Штайнер вступили в гражданский брак. Он, конечно, носил чисто духовный характер и был вызван тем, что их совместная работа вынуждала их много находиться вместе, а это рождало сплетни. Не считаться с ними было нельзя. Но была у этого брака — в чем мы уверены — и более глубокая причина. Рудольф Штайнер хорошо сознавал, что в случае его смерти — а она угрожала ему уже в начале столетия — встанет вопрос о его наследии и враги сделают всё возможное, чтобы изъять его из мира и заставить мир забыть о нем. Поэтому уже в 1907 г. он завещал его Марии фон Сиверс. Потом он обновил это завещание, но полную силу ему, конечно, могли придать лишь отношения зарегистрированного брака. Обоснованность беспокойства Рудольфа Штайнера по этому поводу подтвердилась после его смерти.

Трудно, необыкновенно трудно изведать духовные глубины индивидуальности Марии Штайнер. Сама она не проронила об этом ни единого слова.

Очевидцы рассказывают, что когда Рудольф Штайнер посетил Кёльн, то он неоднократно водил Марию Штайнер в церковь ап. Андрея, где находится гробница Альберта Великого, но она туда ходила неохотно. Однажды (об этом свидетельствует Елена Рёхлин, она была руководительницей антропософской ветви в Маннхайме) Рудольф Штайнер спросил Марию Штайнер: «Помните ли Вы о том, как мы действовали в то время?» — на что она ответила, отшучиваясь, поскольку такой разговор ее смущал: «Лишь совсем смутно»*.

Нам довелось найти лишь одно свидетельство, напрямую говорящее о ее развитии в отношении сверхчувственного. Оно принадлежит Адольфу Аренсону, о котором мы уже упоминали. В открытом письме членам Общества он в октябре 1926 года рассказал о том, что одно время Рудольф Штайнер совершал возведение в градусы посвящения. Нас всех, пишет он, Рудольф Штайнер возвел символически и только Марию Штайнер — *полноправно*, «и именно так, что было указано на действительность, которая выходит за границы рождения и смерти».

Косвенно, но достаточно убедительно о сверхчувственном развитии Марии Штайнер говорит тот факт, что Рудольф Штайнер видел в ней едва ли не единственного человека, который вполне понимал его, понимал сущность и значение Антропософии. О том, чем это было для него, он пишет: «Ты понимаешь меня — и это дает мне силу, делает мои крылья свободными» (письмо от 12 апр. 1903). А в другом письме, написанном днем ранее известному теософу Хьюббе-Шляйдену, он сетует: «...мои, определенные посвященными указания, которые я изложил в Берлине, упали на неплодотворную почву и были поняты *одной только* фройляйн фон Сиверс».

Но особенно значительным, говорящим об особой духовной высоте Марии Штайнер, является то, что Рудольф Штайнер написал ей 8 апреля 1908 г.: «Мне очень понравилось, как ты дала подействовать на себя нашим двум последним эзотерическим урокам. Верь мне, моя дорогая Мария, ты идешь вперед быстрее, чем, может быть, ты сама себе представляешь. Я с любовью думаю о Тебе... Ты для меня являешься *священницей*, когда смотришь в ответ на меня, с тех пор

*) Рудольф Штайнер еще сказал: «А Вы тогда были моим учителем».

как я *распознал Твою индивидуальность*. Я дорожу Тобой в чистоте Твоей души, и только потому *смею я быть преданным тебе*. Мы живем друг с другом, потому что мы внутренне принадлежим друг другу, и мы всегда будем иметь право так относиться друг к другу, как мы это делаем теперь, если будем понимать, что наши *личные отношения ко-ренятся в святом служении духовной эволюции*. Я знаю, что не посмеет прийти такой момент, когда этой святости мог бы быть нанесен хоть малейший вред».

Мы подчеркнули в письме некоторые места, чтобы направить внимание на то, что в дружбе и сотрудничестве этих двух людей мы имеем перед собой нечто, выходящее за пределы всех известных нам человеческих отношений. Это отношения людей, уже в XX веке живших в далеком будущем человечества.

И еще выделим один момент. Говоримое Рудольфом Штайнером никогда не было фразой. И если учесть, на какой духовной высоте стоял он сам, то какой же должна была быть другая индивидуальность, перед которой он склоняется в благоговении?

Если думать, что он «распознал» прошлое воплощение этой индивидуальности, то этого совершенно недостаточно. Вспомним, как он не раз говорил, что никто не должен в новой инкарнации величаться тем, чего он достиг в прошлой. Он говорит Марии Штайнер: «Я смею быть преданным Тебе» «в святом служении духовной эволюции» — эволюции *мира, Вселенной!* должны добавить мы. О вселенском измерении индивидуальности идет тут речь.

* * *

После ухода Рудольфа Штайнера с физического плана Мария Штайнер по-прежнему, с полным напряжением сил продолжила издание его духовного наследия. Она опубликовала около 500 наименований различных книг и брошюр с лекциями Рудольфа Штайнера, а также переиздавала его книги. Вопросы о том, каких также и душевных трудов и мук ей это стоило, мы затрагивать не будем*.

С уходом Рудольфа Штайнера закончилась фаза активной организационной деятельности Марии Штайнер, и у нее, несмотря на

*) Имеются все основания говорить о том, что она это наследие спасла. Но на какое время? — Этот вопрос остается необыкновенно актуальным и теперь. Правление Наследия фактически приостановило дальнейшее издание полного собрания лекций Рудольфа Штайнера, хотя остаются еще не изданными около 1000 лекций.

напряженную издательскую работу, появилось больше времени для так горячо любимого ею искусства. Во втором Гётеануме она устраивает грандиозные постановки Мистерий-Драм Рудольфа Штайнера, драматических произведений Альберта Штеффена, конечно — полного «Фауста», эвритмические представления, организует турне эвритмистов по Европе. Благодаря ей Антропософия в это время говорит с миром языком искусств.

Она ведет интенсивную работу с артистами, углубляя искусство рецитации, создает рецитирующий хор. Хор этот был совершенно удивительным феноменом. Он как бы вызывал явление одной человеческой души, но колоссально усиленной. Через хор словно бы вновь зазвучали великие Мистерии Эллады, где как раз через рецитацию жрецов к людям говорили боги. Хор много гастролировал по Европе, отклики в газетах на его выступления были восторженными. Например, в Кассельской «Нахрихтенблатт» один театральный критик писал: «Должен признаться, что как только хор начал говорить, по мне побежали мурашки. Возникает нечто очаровывающее, ослепительное, когда слышишь речь такого рода; возникает нечто невыразимое словами. За время, протекшее после предыдущего выступления, хор стал еще значительно лучше. Мне кажется, что им достигнута уже предельно возможная гармония и равновесие, ибо нельзя дать большую полнокровность произносимому слову, чем та, которую мы тут пережили». Журналист сетовал только на то, что при жаркой погоде зал был переполненным.

В Швейцарии на спектакли и концерты в Гётеанум приходили и приезжали целые классы школьников, солдаты. Да, Антропософия начала тогда через свои искусства выходить на широкий план европейской жизни.

Мария Штайнер не просто гениально, а в какой-то совершенно особенной, исключительной форме владела искусством рецитации. Она говорила: «*Законы речеобразования совпадает с законом медитации* (подч. нами. — Авт.)». Каждое слово человеческой речи не только выражает содержание представления, но является душевным существом. Существо же постижимо в его жесте, который всегда является волевым откровением души.

В феномене искусства, учила она своих студентов, мы освобождаемся от представлений и непосредственно воспринимаем позицию, «осанку» души. Жестом является каждая звучащая буква, слог, слово, фраза. Они суть элементы творящей силы *Логоса*. Логос является Духом языка. Чтобы дать ему звучать, нужно освободить гортань, держать ее открытой, как это делают певчие птицы. Тогда планетарные

колебания могут зазвучать через нее. В речи на колебаниях ритма, через образы звучащих букв Я может вступить в свет мирового эфира. «Учитесь думать дыханием», — призывала она. Сделайте мозг пустым, легкие пустыми, гортань пустой. Это должно быть своего рода жертвой. Она освободит слово от окостенения и сделает его живым, а человека — сознательным инструментом речи. В будущем на пути формирования речи откроют *тайну слова и звука*. Это произойдет в следующей культурной эпохе.

Один из учеников свидетельствует: «Весь метод художественного формирования речи Марии Штайнер имел целью пробудить новое сознание *вне* тела». Она разбивала нам повседневное «я», чтобы освободить Я высшее. — Иными словами, ученичество у Марии Штайнер было, фактически, прохождением пути посвящения, даже если особенно далеко идущих задач она при этом и не ставила. Ибо ситуация после ухода Рудольфа Штайнера сильно изменилась. Мария Штайнер говорила: «Моя задача — создать подступ к медитации». Однако именно первые ступени на пути посвящения являются особенно трудными. Поэтому те, кто хотел и мог работать с Марией Штайнер, должны были быть в состоянии, так сказать, «умирать и становиться». А для этого нужно было работать до изнеможения. Выносить такую работу и переживать от нее высшее удовлетворение можно было, лишь найдя отношение к реальному явлению в ней духа. Кто оставался снаружи, те уходили, и порой — с раздражением.

Русский эмигрант первой волны, артист Илья Дуван, ставший учеником Марии Штайнер, рассказывает такой случай. Был в их группе студентов один экстремальный холерик. Он не выдержал «тягот» обучения и однажды громко, грубо, с вызовом заявил, что не желает больше здесь оставаться и, хлопнув громко дверью, ушел. Мы, говорит Дуван, стояли бездыханные, и вдруг Мария Штайнер произнесла: «М-да, за такого я бы никогда не вышла замуж». Мы покатались со смеху, ибо нужно представить себе, что это сказала женщина, внушавшая благоговение и неприступная в манере держать себя.

Те, кого не погребал под собой их собственный мелкий эгоизм, кто мог как свободная индивидуальность в своем искреннем стремлении к духу выступать навстречу Марии Штайнер, те были в состоянии почувствовать одновременно с ее земной человечностью и ее космичность. Такие видели в ней неисчерпаемую силу позитивности, способность в любых условиях стряхнуть гнетущую реальность жизни и строить на добром безграничном доверии к духу.

Такие люди были способны переживать также и то, как в ее искус-

стве дух, так сказать, являл себя «без покровов», чувственно воспринимаемым образом, видимо для физических глаз. Дадим опять слово Илье Дувану. Мне довелось наблюдать, пишет он в своих воспоминаниях о Марии Штайнер, стоя на сцене сбоку и совсем близко, рецитацию Марии Штайнер. «Это опять-таки было что-то поражающее, озадачивающее, впечатляющее: согласные, гласные *из пространства* прилетели на уста говорившей и, едва коснувшись их, вновь улетали в пространство с полной силой и благородством формы! Они были почти видимы физически.

А тот факт, что Мария Штайнер была при этом совершенно спокойной, как бы и не затронутой этим, несмотря на сильное дыхание и напряжение, дополнял чудо».

Фред Пёппиг, посетивший Марию Штайнер уже в самом конце ее жизни, когда она жила в Беатенберге, расположенном на горе возле озера Тун, с целью получить от нее помощь в изучении роли, которую он должен был играть в Мистерии-Драме Рудольфа Штайнера, потом писал: «И хотя ее голос уже не имел физической силы, она владела полнотой духовной субстанции и жизни. Возникало впечатление, что из эфирного космоса она извлекает эфирные потоки духовной жизни, которые, будучи несомыми огнем воли, изливаются в пространство, разбивая все земные стены; и человек, захваченный ими, уносился в дали мерцающего светового круга. О, какая мощь драматического жеста еще живет в этом уже угасающем голосе! Какая боль дрожит в нем, словно разбивая судьбу, при словах: «О, человек, познай себя!»»

Некоторые из скептиков, желающих принизить индивидуальность Марии Штайнер, заявляют: да, она была гениальной артисткой, но плохим педагогом. — На филистерский взгляд, пожалуй, плохим. Филистеров вообще очень трудно воодушевить высшим, и уж совсем непостижимо для них, что «педагог» тот был одновременно и иерофантом нового типа, когда отношение между учеником и учителем строится только на свободном уважении и доверии.

Всё в существовании Марии Штайнер было устремлено к высшему, и совершенно необыкновенным образом. Свидетель нам — опять Илья Дуван: «Если среди учеников возникало беспокойство, вспыхивали эмоции, раздоры, то она стояла словно скала в море. ... Из этого могучего «камня» возвышался лик, сила излучения которого была столь интенсивной, который был окутан такой энергией, невидимым аурическим покровом, что требовалось изо всех сил напрягать внимание, обострять зрение, чтобы Марию Штайнер действительно точно видеть физически.

И в то же время, это лицо было детским, необыкновенно чутким, оно реагировало на мельчайшее спонтанно и открыто, так что, говоря с ним всегда можно было сразу видеть, как сказанное тобой воспринимается им. Синева глаз как бы всё вновь постоянно рождалась изнутри как вспыхивавшее волнами сияние. Да, это был видимый физическими глазами дух!»

На всю жизнь сохранил Дуван пережитые им в работе с Марией Штайнер явления подлинного чуда, и большая удача для нас, что этот русский артист не забыл записать свои переживания. Вот еще одно из них: «...ее истинная индивидуальность свободно открывалась в ее работе, в гениальных часах преподавания и пронизанных духом репетициях. ... Мне открылось: это сверхбольшое измерение истинно человеческого переживания, потрясающая полнота нюансировки, захватывающая искренность, душевность и сила мне доселе неведомой душевной глубины. — *Человек* во всем его душевном величии стоял передо мной. Как могла эта женщина такое выносить, не говоря уже о том, что бы еще и осуществлять, формировать? Одно было ясно: еще невиданная, неслыханная художественная и человеческая правда была здесь»*.

Еще в самом начале XX в. в библиотеке у графа Брокдорфа с Марией фон Сиверс встретила одна женщина, которую звали Текла фон Реден**. В 1935 г. она писала в своих воспоминаниях о том, как уже тогда Рудольф Штайнер среди заблуждений, в которых плутало Теософское Общество, пролагал путь к подлинной Теософии, во все времена неразрывно связанной с развитием рода человеческого; и в этих воспоминаниях она говорит о значении встречи Марии фон Сиверс с Рудольфом Штайнером следующее: «Взметнувшейся вверх из глубочайшего источника судьбой, что часто ошибочно называют случаем, было вызвано появление Марии фон Сиверс как слушательницы на тех лекциях, вскоре ставшей понимающей, никогда не отступающей, безотказной, неутомимой спутницей, активной, деятельной помощницей в духовном труде. — Ей при этом, конечно, пришлось ступить на тот же тернистый путь, которым вынужден был идти Рудольф Штайнер. Но ею это было сделано как *знак Теон-Софии*, с тою же (что и у Рудольфа Штайнера) никогда не надламывающейся духовной силой!»

*) Pija Duwan, Spachgestaltung und Schauspielkunst. Verl. am Goetheanum, 1990, S. 13.

**) О ней рассказала в своих воспоминаниях Татьяна Киселева. Maria Steiner-von Sivers im Zeugnis von Tatiana Kisseleff u.a. ...» Verl. Die Pforte. Basel, 1984.

Понятие Теон-Софии мы встречаем у ап. Павла в 1-м послании к коринфянам. Если то место перевести правильно, то оно звучит так: «... возвещаемое нами является также и мудростью, а именно той мудростью, которая живет в кругу посвященных. ... Высказываемое нами является Theon-Sophia (Божественной премудростью Мистерий – *mysterion*), которая жила в тайне после того, как Божественной Основой мира она была учреждена уже прежде всех кругооборотов времен, дабы (некогда) быть открытой нам.

Ни один из вождей настоящего времени не ведает об этой мудрости. А если бы они ведали, то не прибили бы ко кресту Того, Кто является Господом откровения» (1. Кор. 2, 7–8).

* * *

Божественная София является реальным сверхчувственным существом, и благодаря Антропософии мы имеем возможность составить себе в нашем познании некоторое представление о нем. София – это, по сути, есть Св. Дух в откровении. А открывается Он как Идея мира. Эту Идею несут, творя, в мир *все девять Иерархий*. Он как Идея открывается в составе Троицы, пребывая в неразрывном единстве с Богом-Отцом и Богом-Сыном. Идею мира нельзя оторвать от Субстанции Отца и от Жизни Сына*.

Идея организует откровение Отчей Основы мира в виде троичности. И становление мира – это своего рода несение Троицы из высшей откровения вниз по ступеням нарождающегося бытия, вплоть до физически-чувственной ступени. Ее несут Иерархии через свое творение мира, и потому они и всё в мире организовано по триадному принципу.

В образной форме это должно иметь вид двух треугольников, один из которых, эволюционно-иерархический, направлен вершиной вниз (он есть несущий), а другой (несомый) – вверх, это треугольник восходящих мира, человека, эволюции. По сути говоря – это символ Св. Грааля, о котором сказано, что периодически «Ангелы» приносят его на Землю и возносят в дух (рис. 57).

Теон-София – это одновременно есть и Грааль-София, мудрость о Христе, способная привести кровь человека к очищению от страстей. Она есть форма высшего самосознания, возникающая в резуль-

*) Всё это было темой наших первых двух томов.

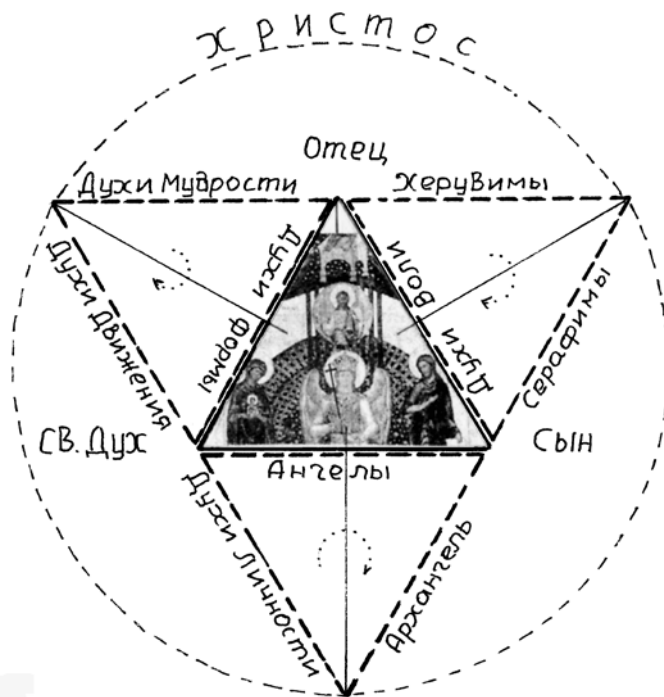

Рис. 57

тате соединения интеллигенции Иерархий со структурой Мироздания. Структура эта по замыслу есть Макро-антропос. Как высшее земного человека он есть Я-Манас, или Теон-София, во вселенской жизни Христа. Это мы и попытались показать на рисунке, включив в него часть софийной иконы.

Овеянная Жизнедухом Христа, Теон-София нисходит к людям. Низошла она и в Антропософии. Собственно говоря, Антропо-София – это и есть явление Теон-Софии среди людей. И вопрос состоит лишь в том, была ли она в этом случае персонифицирована отдельной земной личностью?

* * *

Мы считаем, что была. Ничего не зная о переживаниях Теклы фон Реден, Андрей Белый писал, уже живя в России, в своем «тайном

дневнике» о Марии Штайнер: «...образ ее был для меня символом Софии».

Ну а нам остается лишь высказать вслух то, что созрело у целого ряда наиболее серьезных антропософов, имевших счастье знать Марию Штайнер, даже работать с нею или близко чувствовать ее, переживая плоды развиваемого ею искусства. Они не сделали этого, поскольку были разбросаны во времени и в пространстве. А кроме того, требовалось время, чтобы окончательно убедиться в этом.

Нам, конечно, легко тут возразить, легко упрекнуть нас в нарушении золотого правила оккультизма, и нам на такой упрек нечего ответить, кроме одного, что из всех правил бывают исключения. И одно дело — легко бросаться направо и налево измышленными сенсациями, отгадывая перевоплощения, и другое — десятилетиями вживаясь не только в содержание, но и в дух Антропософии, в полный трагизма процесс ее вхождения в мир, стремясь постигнуть дух и душу ее творцов, изучив впечатления и мнения их современников, наконец, десятилетия посвятив изучению закономерных связей вещей чувственно-сверхчувственной реальности, — сделать этот вывод, который феномену Антропософии дает новую полноту и завершенность.

Да, через Марию Штайнер Само Существо Теон-Софии низошло на землю и жило среди нас, чтобы Самому служить человеку, который давал людям знание о Ней, который оказался в силах взять на себя миссию принести людям Ее откровение. Это не было человеческой инкарнацией Софии, но не было и просто инспирацией. Инспирирован Ею был Рудольф Штайнер. А это было *инкорпорацией*, тем, что в традиционном оккультизме называется аватаром. В этом случае человеческое существо остается со своим Я и действует исходя из него, но его индивидуальная аура наполнена большим сверхчувственным существом, простирающимся в дали космоса. Космическое существо через такого человека изливает свои силы в мир людей, и все действия этого человека получают тогда, естественно, иной, космический смысл. Понять это, если чувства грубы, бывает сложно. Но что говорить об аватаре, если и Христа многие не смогли распознать.

Многие были не способны правильно переживать существо Марии Штайнер. И можно понять — почему. Даже вживаясь в ее фотографии, можно почувствовать, что ее лицо — словно бы некоего рода окно, одушевленное окно в иную реальность, сквозь которое на каждого отдельного человека смотрит Божественный Дух; мы подчеркиваем: не индивидуальность Марии Штайнер, — она только оказалась способной на то, что через нее смог глядеть в мир Божественный Дух;

способной благодаря своей самоотверженности, жертвенности, бес-самостности и другим высоким качествам.

В том, как этот Дух из ее глаз смотрит на нас, нет осуждения, но нет и потакания всему низменному в нас. А такого взгляда большинство людей выносить не может. Если от него нельзя убежать, то человек способен на многое, чтобы его для себя затмить; прежде всего, конечно, убедить себя, что все люди есть только люди и он сам не хуже других.

Во взгляде Марии Штайнер было многое от того, что выражается во взгляде Архангела Михаэля на человека, как это описывает Рудольф Штайнер. Когда Михаэль «подступает к человеку, то приходит с отчетливым отказом многому в человеке, с чем тот сегодня живет на земле» (ИПН. 223а, 13.1.1924). Но Михаэль не отталкивает от себя. Он лишь не принимает всего унаследованного, животного и т.п. Он хочет показать, что это неприемлемо для духовного мира. Но что человек приносит в любви и свободе, то встречает у Михаэля понимающий взгляд, который ему говорит, что это правомерно с точки зрения космоса (Ibid.).

Нечто от этого взгляда можно пережить, повторяем, всматриваясь даже в фотографии (но хорошего качества) Марии Штайнер. И можно почувствовать, что ее взгляд действует на душу очищающее.

Но «отказ многому», читаемый в ее взгляде, был многим невыносим. Ведь люди и Христа часто представляют себе потакающим всем их слабостям.

Мария Штайнер была некоего рода «пробным камнем», «лакмусовой бумажкой», выявлявшей меру искренней преданности человека Духу. Для одних это был дар, для других – несчастье, что Антропософия так реально и непосредственно предстала перед ними.

Сама Мария Штайнер не думала, а может быть, и не знала о том, как ее облик, ее взгляд действуют на людей, не знала о том безграничном, что через нее входило в мир. Зато тем совершеннее было излияние духа, тот взгляд космической совести, обращенный на человека.

Не следует удивляться и тому, что Божественная София так непосредственно поставила Себя на служение Рудольфу Штайнеру. То же самое сделал и Архангел Михаэль. Только не нужно понимать это тривиально, как сделал ап. Петр в сцене омовения ног. Высшее всегда склоняется перед низшим, чтобы поднять его на свою высоту.

Человеко-София не могла явиться только лишь как учение, поскольку она объемлет собой как чувственную, так и сверхчувственную части единой реальности. Являя Себя в Антропософии лишь в виде

учения, Теон-София открыла бы лишь часть истины. А вся истина — Она Сама.*

Фрэд Пёппиг совершенно правильно распознал это. В его воспоминаниях мы находим три принципа, из соединения которых и родился феномен Марии-Теон-Софии. Принципы эти суть следующие.

1) «Она воплотила новый тип человека: не родовое существо, а всё вновь творящего себя из эфирного источника обновления Я-человека».

2) «В этой женщине жила пра-субстанция Антропософского Движения».

3) «...строение первого Гётеанума — это глубоко вписанная в пространство жизнь Марии Штайнер. Без нее оно невозможно». Гётеанум — это ее дом, *дом Софии*, и дом тот есть *человек*.**

* * *

Вся деятельность Марии Штайнер на ниве художественного творчества и служения искусству была напряженным стремлением вновь обрести «потерянное слово», на поиск которого человечество по-настоящему отправилось лишь после нисхождения на Землю Антропософии. Это еще одна из причин того, почему Теон-София стала человеком. Обретение человеком потерянного слова, которым он творился и будет твориться, — это высший акт творящей деятельности мировой Идеи на этапе перехода эволюции восхождения, идущей путем нисхождения, к эволюции чистого восхождения. Этот акт она может совершить *только через живущего на земле человека, как воскресение плоти было возможно только через вочеловечение Бога*.

Именно такой, колоссальный смысл носила работа Марии Штайнер со звучащим словом. И грубую ошибку совершает всякий, думающий, что это было лишь приятным дополнением к содержанию

*) Тут можно подумать еще о том, как воцерковленный люд относится к иконе Св. Софии. Он ее почитает, но как-то совсем безличностно, условно, не вглядываясь, не вчувствуясь в нее. При более внимательном наблюдении можно даже заметить, что ее изображение вызывает у людей некоего рода инстинктивный страх. Стоит сравнить, как люди переживают все другие иконописные лики, с тем, пусть не осознаваемым, но скорее отторжением, чем принятием образа Софии. У верующих уже выработалось отношение к лику Христа, Богородицы, Бога Отца, а вот Дух Святой — это «голубь» или... да, эта странная София, восседающая на троне Самого Христа. Понимания Ее в церкви нет, а из Антропософии его брать не хотят.

***) Fred Poeppig, Marie Steiner. Ein Leben im Dienst der Wiedergeburt des WorteS. Lohengrin-Verlag, 1990, S. 15, 23, 67.

Духовной науки. Когда мы от познания переходим в Антропософии к искусству, то это означает для нас духовное восхождение, если, естественно, мы на него способны*.

Что это означает: «обрести потерянное слово»? Мы знаем, что Логос, духовно звучащее Слово Бога есть Творец всего сущего. И как космическая панинтеллигенция Михаэля низошла, раздробившись, в отдельных людей, стала в них интеллектом, так Мировое Слово низошло в отдельных людей и стало в них даром речи. Как интеллигенция, так и Слово стали в человеке тенеподобными, но зато дали ему возможность обрести самосознание. Однако человек обязан вновь вознести их к их Божественному источнику, к их Божественной Сущности. Как в мышлении человек, меняя форму сознания, вносит в него жизнь, т.е. придает ему характер космичности, так и слово должно в устах человека стать снова *непосредственно творящим, т.е. порождающим*. Уже через несколько тысячелетий появятся люди, способные белой магией звучащего слова порождать других людей, творить в тонкой вещественности Земли физические тела для идущих к воплощению душ. В духе задач этого будущего должны развиваться храмовые по сути виды искусства, импульс к становлению которых дал Рудольф Штайнер. Внутренне — это процесс посвящения, который далее внешне выходит на широкий социальный план, ибо теперь встала проблема высшего развития уже не избранных, а буквально *всех* людей. Такова главная особенность Мистерии Михаэля, воплотившейся в Мистерии Антропософии.

Рудольф Штайнер дал земно-человеческое выражение Божественной Мудрости, ведущей ко Христу. И он создал форму, в которой Сама Человеко-София смогла стать осуществительницей метода такого восхождения в его особенно высокой форме: *в искусстве слова*. Так начал замыкаться великий круг: *«В начале было Слово», потом оно стало мыслью, и вот, живая мысль вновь возносится к Слово*. И это совершенно правильно, когда говорят, что без Марии Штайнер земная судьба Антропософии могла бы и не сложиться. Поэтому изначально, еще в сфере духа, в миссию Рудольфа Штайнера как ее составная часть была включена и миссия Марии Штайнер, и, разумеется, и миссия Иты Вегман. Большая роль при этом была уделена и ряду других душ. И именно с этой точки зрения следует понимать их жизненный путь.

*) И невообразимым злом являются все попытки «модернизировать» постановки Мистерий-Драм, низводить художественные импульсы Гётеанума на уровень обыденщины и т.п.

После всего рассмотренного нами кто-то может спросить: если такие мощные силы причастны к феномену Антропософии, то почему ее импульс удалось так основательно ограничить и задержать? Почему не удалось до конца основать на земле центр ее Мистерии?

Это произошло по вине людей. Тут нужно только повторить, что в эпоху обретения человеком свободы воли, ему самому боги передают право определять свою судьбу. А сделать он это должен, не потакая предрассудкам, не ввергая себя ни в какие групповые формы сознания, не творя произвол, вырывающийся наружу из его низшей, не очищенной природы, и т.д. Он должен сам свободно, исходя из понимания, направлять свою судьбу в духе высших законов развития.

И когда теперь из духа к людям приходят высокие импульсы, то их судьба зависит от того, насколько люди поймут их и захотят изменить себя. А изменить себя трудно в силу чрезвычайно сложной, многоуровневой эволюционно обусловленной двойственности человеческого существа. Эта двойственность пронизывает и его тело, и душу, и дух. В силах наследственности в каждом человеке продолжается борьба между женским и мужским началами, между авелевым и каиновым началами. Эта борьба входит в душу и усиливается там противоречием между дионисийским и аполлонистическим типами личности. Наконец, духовному единству мешает односторонняя предрасположенность к аристотелевской или платоновской ориентации мировоззрения, которым формируется также и характер души.

Двойственностью человеческого существа пользуются духи тьмы и творят многообразные формы социального и духовного закабаления людей. По-настоящему освободить себя от всякой кабалы способна только личность, приходящая к своему подлинному единству. Таких личностей в то время, когда Рудольф Штайнер действовал на земле, оказалось очень мало. Их оказалось «мало», так сказать, не в силу всемирно-исторической и даже космической обусловленности. В этом смысле их было даже много — душ, подготовленных их кармой в ходе не одного, а даже ряда воплощений к тому, чтобы способствовать развитию импульса Антропософии. Но слишком суровым оказался «железный век» материалистической цивилизации. По своей бездуховности, по своей подавляющей ариманической власти его нельзя сравнить ни с одной эпохой прошлого земли.

При этом в эпоху свободы развитая душой в прошлом *предрасположенность* к большой духовной работе не может стать *предопределением*. В новой эпохе душе, пришедшей на Землю, нужно решать совсем новые и трудные задачи своего дальнейшего развития, соединять

все противоположности, действием которых она индивидуализировалось в прошлом, и возводить в себе всеединство. На такое оказались способными не многие даже из тех, кто подошел к Антропософии. И их нужно понять, чтобы и их отрицательный опыт пошел на пользу тем, кто и теперь решает в себе, по сути, их же задачи.

Бросим еще раз беглый взгляд на духовное и историческое развитие человечества. Мы видим, что потомки Каина взяли на себя труд возделывать и преображать землю. Этой работой заняты, конечно, и авелиты, но они подходят к ней в большей мере со стороны небесного. Они односторонне сакрализируют земной труд человека. Нужно же гармонично соединять земное и небесное. Эта задача стала особенно актуальной с началом XX века.

Каиниты совершили большой труд, направленный на преобразование мира неорганического, и возвели этот труд в «королевское искусство». А теперь перед ними встала задача развить новое королевское искусство, — искусство работы с органическим, живым. По этой причине первое слово и в социальной, и в научной, и в культурной жизни в новое время оказалось за ними. Поэтому Антропософия и каиниты в первую очередь пошли навстречу друг к другу. И Теон-София склонилась к ним. Она явила им ключ к тайне потерянного слова. *Но они ее не поняли.* Они не поняли Гётеанума, не поняли судьбоносности Рождественского Собрания 1923/24 гг.* Не поняли, конечно, этого и авелиты.**

Поэтому после ухода Рудольфа Штайнера уже наметившийся синтез духовных течений превратился в свою противоположность: в борьбу двух начал.

Произошло нечто парадоксальное. Между каинитами и авелитами возникла борьба за принятие Антропософии, но не в духовном смысле — тут свободы хватает для всех, — а в смысле административном! В ходе XX столетия *внешне* победили в ней каиниты. И нужно понять этот парадокс во всей его трагической глубине: каиниты «приняли» Антропософию в свое административное управление ею! Новое вино влили в старые-престарые мехи. Они расплзаются по

*) Утверждая это, мы опираемся не на слухи, а на факты. Но при этом не в критике заключается дело, а в печальных фактах. Мы берем, например, признания, сделанные самой Итой Вегман в ее записных книжках. Они теперь опубликованы; см. Ita Wegmann, *Erinnerungen an Rudolf Steiner*. Verlag des Ita Wegmann Institut. 2009, кап. 2,3; S 95 u.a.

**) И те и другие пытаются это наверстать в начале XXI века, но то, как они это делают, оказывается коррумпированной оккультно-политической борьбой от начала до конца.

всем швам, и истинная Антропософия как духовная субстанция утекает неизвестно куда, туда, где о ней всерьез позаботиться некому. Оттого безнадежность в нынешнем мире только возрастает.

Каиниты вместо того, чтобы аристотелизму давать мистериальное выражение, соединяя его в себе с обновленным платонизмом, противостали течению платоников. Они начали управлять Антропософией *административно*. А в среде авелитов на каждом шагу наталкиваешься на католическое лобби.

Масонство в последние столетия выхолостило свое содержание. Его высокие градусы посвящения стоят пустыми, как ничем не заполненные оболочки. И нет никого, кто бы был способен их заполнить. В железный век материализма, эгоизма и отчуждения живем мы все, в век невиданного штурма неба силами тьмы. В таких условиях опираться нужно не на старое — оно закатывется, умирает, а только на новое. Благо оно есть. Но только: *«никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царства Божия!»* (Лк. 9, 62).

Однако где они теперь, — не озирающиеся?

Тревожно становится в мире.

* * *

Мария Яковлевна Штайнер умерла в один из дней Рождества, 27 декабря 1948 года, в три часа двадцать минут утра. Женщина, находившаяся в это время при ней позже записала: «Около двух часов мне стало ясно, что г-жа д-р Штайнер* покидает эту землю. Снаружи было на редкость чистое звездное небо; погода была такая мягкая, что хотелось выйти на улицу, и было такое чувство, что природа вовне сопереживает происходящее внутри помещения».

«Когда наступил момент смерти, возникло глубокое, незабываемое переживание от созерцания того, как изменялись смертные покровы г-жи доктор. В них выразилось что-то пра-могущественное, неопишуемая возвышенность, величие и в то же время — непреклонная серьезность и строгость. Затем это сменилось царственным милосердием и девственной нежностью»**. Другая женщина, бывшая при том и понимавшая по-русски, слышала, что последними словами Марии Штайнер, сказанными по-русски, были:

«Придите все».

*) На Западе принято так именовать жену, в соответствии с научным статусом мужа.

***) Maria Steiner, Briefe und Dokumente. Privatdruck. Dornach, 1981, S. 367.